
НОВЫЕ ИМЕНА В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Юрий Корнев
(г. Тула)

Корнев Юрий Иванович родился в 1963 году в городе Орле. После окончания средней школы поступил в Тульский политехнический институт на факультет систем автоматического управления. Трудовую деятельность начал в Конструкторском бюро приборостроения в качестве инженера-электромеханика. С 1991 года по настоящее время является директором предприятия, специализирующегося на проведении строительных работ. С юности увлекается поэзией, любовь к которой переросла в написание стихов.

ЗАПИСКИ С КОРФУ

Два века минуло с тех пор,
Как на далекий остров узкий,
Средь моря и зеленых гор
Так дружно, как армейский хор,
Нагрязнул говор русский!

То были наши моряки
И с ними — Ушаков великий.
В ночах светили маяки...
И звезд неясных огоньки
Им предвещали ужас дикий.

Зачем они пришли сюда?
К чужой земле! И так бы жили!
Неужто русская нужда,
Беда, да злые холода,
Им в этот раз пути открыли?

Силен был флот, и Русь сильна,
И вот мы — русские, как дети!

В поход — и ноги в стремя,
И смотрит нам вослед страна,
Освобождать народы едем!

БЕЛОРУССКАЯ БОЛЬ

Памяти моего дяди посвящается

На рассвете проснулся солдат — трудный бой впереди
Снилась рожь, деревенский погост — душу сон бередил.
И напонила та деревенька, где взвод окопался вчера
Молодому парнишке в родимом селе вечера.

Там играла гармонь, и плясали и старый, и млад;
Там умели любить, друг за дружку в труде и беде;
И в реке, что искрилась на солнце, как найденный клад,
Пацаном он любил искупать вороных лошадей.

Пахло клевером, конским навозом и хлебом.
Этот запах нельзя позабыть никогда и нигде.
Даже здесь, в белорусском окопе, за братским обедом
Вдруг почудилось — мамка готовит лепешки в избе.

Рано стал сиротой, жил как все, не боялся невзгод,
Был бы, может, хорошим рабочим, да вот незадача взяла:
Наступил этот проклятый всеми, тяжелый, Антихристов год,
И вчерашний пацан повзрослел, и война увела.

Будет страшным сегодняшней бой, тяжелейший, смертельный.
Пулеметчиков взвод не отдаст даже пяди земли.
Политрук перепишет героев в блокнот свой отдельный,
Чтоб вовсе деревеньки свои похоронки дошли.

Мы приедем туда через годы, в места тех боев —
Обелиск на окраине, люди помнят героев здесь наших;
И пусть утренний хор белорусских певцов-соловьев
Станет гимном торжественным доблести воинов павших.

МЕЧТЫ ЦИОЛКОВСКОГО

Сигареты дымок посылаю к звезде,
Что на небе ночном одиноко сияет.
Мой сигнал долетит туда только к среде,
И его обязательно кто-то поймает.

Там живет человек, верю — схожий со мной,
И такие же сны ему снятся ночами —
Про счастливое детство в деревне родной,
Про пирог именинный с большими свечами.

Про родню, что жила с ним, и ту, что живет.
И про школьные будни с друзьями, уроки,
И как я, он, наверно, никак не поймет,
Почему так не долги житейские сроки.

Как у вас там с долгами? Проблемы? А то!
Не волнуйся — и нас тоже кризис замучил.
И, похоже, что жизнь превратилась в лото —
Повезло — значит, выиграл, нет — невезучий!

Хочешь, дам тебе дельный, дружище, совет?
Научись в этой жизни любить и смеяться.
И тогда сквозь пространства и тысячи лет
Будем в гости друг к другу в ракетах кататься.

И, всегда провожая «соседа» домой
После легкой попойки и дружной беседы,
Буду долго смотреть в небосвод голубой,
Посылая вдогонку дымок сигареты...

Олег Троицкий
(г.Тула)

ВЬЮГА

Троицкий Олег Викторович, 47 лет, родился и вырос в г. Воркуте Коми АССР. Окончил Тульский политехнический институт, после чего три года работал инженером в Конструкторском бюро приборостроения. С 1990 года по настоящее время работает директором небольшой строительной организации. Первое стихотворение «Паутинки» было написано осенью 1989 года. Рассказы начал писать в 2008 году. Первую книгу «Полтора» выпустил в 2009 году. Вторая книга готовится к изданию.

«Мы в ответе за тех...»

Экзюпери

День не задался с самого утра. Точнее — с ночи, когда мамаша этого в одно место ужаленного пятилетнего пацана вынесла на крыльцо горшок с ночными испражнениями, но не только малыша. Потом вышла на двор подслеповатая бабка, которая и опрокинула все содержимое горшка на стоящие у порога обутки всего многочисленного семейства. И даже не заметила.

Перед рассветом приспичело хозяину выйти. И зрячий, а вот надо! — на первой же ступеньке подскользнулся, остальные две задом пересчитал. Уделался весь. Кому досталось? Мамаше пацана, чтобы не оставляла полный горшок, а в уборную выливала, ну и собаке, конечно. А чьих еще рук, вернее лап дело?

Уже утром, сунув босые ноги в галоши, бабка с праведным гневом, граничащим с закипающей яростью ко всем животным на свете и в своем доме в частности, ощутила старческими больными растрескавшимися подошвами подозрительное хлюпанье. Сняла галошу. Понюхала. Не Мурка. Значит — «пся кривь». Почему-то бабка любила это старое, самое страшное польское ругательство. Тут же не приминула воспользоваться им. «Собачья кровь» — пожилая по собачьим меркам восьмилетняя гончая Вьюга почуяла неладное, поспешила в дровенник, к щенкам. Хоть не выходи на свет божий. И вовремя — галоша, пролетев несколько метров шмякнулась о дверной косяк дровенника.

Все утро, до завтрака и бабка, и мамаша, сестра ее, да и сам хозяин — брат молодых женщин причитали, поминая всеми нехорошими словами бльндающую ночью по двору собаку. Все прикидывали, как половчее обувь просушить: печку растопить, или на солнце выставить, если будет оно нынче. А ходить в чем? Все туфли и галоши как «по заказу» были испорчены. По крайней мере — на день. Тем более все равно их надо было отмывать, полоскать... Только одни сандалии пацана остались сухими. Потому как скидывал он их, споткнувшись о порог уже, а не внизу, перед крыльцом, как все домочадцы.

После завтрака все немного подобрели. Все-таки затопили печку. Сестра пере-

мыла всю обувь. Стали проклевываться шутки в сторону старшего брата по поводу его неудачного утреннего приземления. Тот только хмурил брови, когда надоело слушать бабий бред, махнул рукой, вышел на крыльцо покурить.

Пацану за хороший аппетит обломилась конфета. Счастливый обладатель каменной ириски прошмыгнул в сени в поисках своих сандалий.

Вопиющая несправедливость никак не могла усадить собаку на место — отгороженную ржавой сеткой половину сарая с четырьмя двухмесячными щенками от плановой вязки. Было пять. Одного за два червонца, подешевле, на днях забрал председатель охотобщества. Остальные должны были уйти за четвертак. Пора готовить смену. Лопухие уже почти не беспокоили суку-мать, наворачивали бабкино варево во все лопатки. Почти все остальное время спали, завалившись друг на друга так, что не поймешь: кому эта лапа принадлежит, а кому эта черная мордочка.

Каким образом проскользнул пацан мимо своего дядьки — непонятно. Главное, что он пересек запретную черту — вход в дровенник. Вообще-то символическая дверца на двух кусках автомобильной резины вместо петель днем должна была бы быть запертой. Но то ли день еще не наступил, то ли не до дверцы было кутившему на крыльце хозяину, только тихое чудесное весеннее утро вдруг пронзил оглушительный вопль, сравнимый по силе разве что с ревом сирены мчащейся по вызову пожарной машины.

Через секунду вся семья была в сборе, в смысле — в сарае. Мальчуган сидел на полу перед загородкой, лицо его сплошь перемазанное соплями вперемешку с кровью представляло действительно страшное зрелище. Соответствующее реву. Вьюга забилась в дальний темный угол и, опустив голову, тихо рычала. Щенки, видимо чуя недоброе, спрятались под мать, выставив наружу только дрожащие хвостики.

Мамаша ревущего сразу попыталась запустить в собаку попавшимся под руку поленом. Но брат, обзвав ее дурой, пресек опасную попытку.

Выпроводив возмущенно причитающих женщин, снял с гвоздя пеньковый канат и, подойдя поближе к загородке, перетянул собаку со всей силы вдоль спины. Та только взвизгнула, но огрызаться не посмела. Хозяин также молча повесил веревку на свое место и вышел из сарая. А что говорить? Он знал — Вьюга понимает поболее иного человека, тем более бабы или ребенка. Значит за дело. Ведь сколько раз говорено было не соваться без надобности в сарай. Вьюга и так-то не больно ласковая была — все больше по лесам, да по полям. Такая ее жизнь была. А тут еще щенки. Вот дверцу не закрыли — это промашка. Но ничего, шибче будут смотреть за малым. Кстати, как он там?

На удивленье ранки оказались совсем пустяковыми — так, царапины на самом кончике носа. Крику больше, чем дела. А уж когда йодом покрасили розовую кнопку пацана!..

Впрочем через пять минут умытый и переодетый герой с целой горстью ирисок в кармане мастерил во дворе удочку — дядька обещал взять на рыбалку. Но с условием — прекратить сейчас же эти немужичские сопля.

...Человек понял, собака — нет.

Для одного дня — много, перебор даже. Но как себя сдерживать, если перед тобой заклятый враг. Хватка у спаниеля тоже была не дай бог. Но куда ему тягаться с гончаком. Конечно, вьюн еще тот. Не ухватишь. Но если уж Вьюге что в пасть попадало — само не вываливалось. Такая с измальства была. Вязкая, охотники называют. Хозяин спаниеля — татарин Маскут схватил было дрын — валявшийся во дворе черенок от лопаты. Надо же псину выручать. Но как вдарить? — Свою же и зашибешь. Спаниель как знал — выкрутился из-под Вьюги, отпрыгнул в сторону. Стоит, язык вывалил, дышит часто, задохнулся уткодер.

Хозяин Вьюги поотстал — возвращался за банкой. Решил еще одну взять под сок. Березовый. А хозяин спаниеля, размахнувшись, опустил на голову Вьюге черенок от лопаты. Но не зря собаку Вьюгой, знать, кликали. Вертанулась юлой, крутанулась волчком, одним рывком вырвала черенок из рук ошалевшего татарина. Мало того, что его пинок еще не забылся. Год назад. В подобной ситуации. Так тут еще и дрыном по башке!

Маскут, оказавшись без оружия, бросился за ворота. Спаниель, обогнав хозяина, заливался лаем уже во дворе. Гончая в два прыжка настигла татарина и намертво зашелкнула челюсти на его нижнем продолжении спины. Но не стала дожидаться пока она вместе с обидчиком ввалится в чужой двор. А мотнув головой, отхватила добрый кусок мяса, впрочем здесь же, у ворот его и бросив.

Подоспевший, а точнее — опоздавший хозяин уже второй раз за это незадачливое утро перетянул собаку поводком. Та похоже была рада, что конфликт подошел к концу. Но, к сожалению, он только начинался. Из ворот показался Маскут с дустволкой наперевес. Одна штанина его светлых шароваров побурела от крови. Кровь же залила и белки его сумасшедших глаз. Привязавший поводок к ошейнику хозяин Вьюги, потянул собаку назад. Та безропотно отступила.

— Все равно убью! — татарин брызгал слюной через сжатые в бессильной злобе зубы. Никто и не сомневался, что намерения он свои исполнит. Не сегодня — завтра...

— Я сам, — хозяин, посмотрев Маскуту прямо в глаза, произнес это тихо, но твердо.

Под этим взглядом татарин опустил ружье. Кровь отступила от лица, а боль разломила поясницу пополам. Маскут взвыл от вдруг нахлынувшей боли, сполз по воронине на землю, оставляя на старых досках густой кровавый след.

Хозяин повернул обратно к дому. Собака понуро плелась рядом.

«Попили сочку, твою мать» — охотник остановился, чтобы прикурить папиросу. Но спички одна за другой ломались в дрожащих руках. Так и не закурил.

Уже дома снял с гвоздя пеньку, нацепил нож на ремень, накинул на плечо ружье.

— Далеко ли? — бабка с удивлением смотрела на все эти не по сезону охотничьи сборы.

— Далеко, — тон не предполагал дальнейших расспросов.

Человек с собакой огородами пошагал к зеленеющему невдалеке молодой листво- вой лесу.

О чем думал человек в эти нерадостные минуты? Судьба? Каждому свой срок? Но вправе ли он сроки мерять? Значит вправе, коль приручил — отвечай. Так, вроде бы, какой-то хороший летчик завещал? Раз на людей бросается — все, приехали. Кровь путает — не жди ничего хорошего. И охота уже не та, и людям опасность.

А может, случайность? Кому понравится, когда на тебя с дрыном? Ну, убеги, рычи наконец. Рвать-то зачем? Мало ли мне кто осточертел, что же теперь рвать их? А татарин такой — сказал, сделает. Да как сказал! Сволочь. Не застрелит, так отравит. А там и весь помет заодно.

А может быть, человек вспоминал, как заблудившись в дальних, малознакомых лесах ночевал на опушке у костра, греясь одним боком от огня, а другим прижавшись к собаке? А может, еще какой светлый день всплыл в памяти сурового хозяина. Много их было за восемь-то лет. Дней этих.

Кто знает — о чем думал человек, тяжело шагая в косогор навстречу зарождающейся жизни молодой березовой листвы?

А о чем думала собака, бредя за хозяином на поводке, чуть поотстав? Знала же, что не на охоту идет. Иначе уже давно бы спустил хозяин с поводка...

О том что день случился неудачный сегодня? Так ведь всякие были дни... Не надо было связываться с этим псом, а тем более с человеком? Поджать хвост и убе-

жать? Ага, кабана рвала, не отступала, а тут шавке уступить! А человек с палкой! Не удержалась... Зато отомстила. Век будет помнить.

А может, Вьюге было просто не понять, как она может не вернуться в сарайку, ведь там ее щенки. Они же такие еще бестолковые и беспомощные. Конечно, они вернуться домой. Вот пройдут лесом, потом полем, потом через ледяной весело журчащий ручей на дне оврага. И опять через поле домой.

Кто знает, о чем думала собака? И могла ли она думать? Хватило того, что она могла чувствовать. Человек потер кулаком глаза. Что-то защипало. Наверное дым папиросы. Никогда не щипало, а тут... Прошли не далеко в глубь леса. Не мог он дальше идти. Или здесь, или... Снял поводок, но тут же привязал к шее веревку. Другим концом к березе. Долго вязал — не слушались пальцы. Длинная веревка оказалась. Жалко ему стало веревку. Достал нож, охотничий, каким не раз и не два свеживал зверя, что с собакой добывал. Отхватил лишнее. Воткнул нож в ствол пока. Повыше. Побежал сок березовый. Чистый, как слеза собачья. Хоть банку подставляй. Но не до сока сегодня.

Заскулила собака, закружила: как вьюга. Уперлась всеми лапами в прелую листву, потянула со всей собачьей силы. Но выдержала веревка. Не стала больше псина упираться. Все поняла. Легла, замолчала. Подняла на хозяина свои круглые, ничего уже не просящие глаза. Только в сторону отвела их, когда холодные стволы уперлись ее в лоб. Лишь реснички мелко дрожали. Да по морде собачьей побежала слеза. Чистая, как сок березовый. Целый ручеек. Хоть банку подставляй....

